

УДК: 81'27:316.77

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-24-32

МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ПОЛИЯЗЫЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНА

Т.Ю. Тамерьян

Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова
ул. Ватутина, 46, Владикавказ, РСО-Алания, 362047
tamertu@mail.ru

В статье на материале 236 текстов русско- и осетиноязычных анекдотов, собранных из различных источников — интернет-сайтов и скриптов, устных рассказов, периодических изданий и др., рассматриваются стереотипные персонажи — представители субэтнических групп, выявляется межсубэтническое взаимодействие носителей диалектов и говоров осетинского языка, описываются гетеростереотипы, существующие в североосетинской лингвокультуре. Отобранные для анализа тексты анекдотов имеют хождение в республиках Северная Осетия-Алания и Южная Осетия, объектами их осмеяния являются носители дигорского и иронского диалектов, кударского и ксанского говоров иронского диалекта осетинского языка, вербализуемые как *дигорцы*, *иронцы*, *кударцы*, *ксанцы*.

Ключевые слова: субэтнос, межкультурное взаимодействие, лингвокультурный типаж, стереотип, анекдот, когнитивный признак

ВВЕДЕНИЕ

Анекдот является порождением национальной культуры в целом, он отражает наиболее существенные аспекты осетинской жизни, выделяя, таким образом, характеризуются основные этнодифференцирующие признаки, на базе которых строится этническая самоидентификация. Как текст прецедентного типа, анекдот отличается устойчивой композиционной структурой, легко узнаваем членами той или иной лингвокультурной среды, совокупностью языковых штампов и ценностной значимостью [Слышкин 1999: 51].

В анекдоте реализуется социальный стереотип, который передает представления о своей и других этнических/субэтнических группах, и демонстрируется специфика межэтнической коммуникации, выявляются взаимоотношения между этническими группами. Анекдот пародирует черты национального характера и систему ценностей фиксируют их в обыденном сознании.

Средства создания комического в анализируемых анекдотах делятся на универсальные, присущие всем анекдотам: (парадокс, эффект неожиданности, противоречивости, каламбур) и национально-культурные — характерные для анекдотов осетинской лингвокультурной среды, определяющие специфику осетинского юмора, прецедентность и стереотипность анекдота [Тулина 2006: 56].

КОМИЧЕСКОЕ В СОДЕРЖАНИИ ЭТНИЧЕСКОГО АНЕКДОТА

Комическое содержание порождается в результате осмысления отклонения свойств наблюдаемого объекта от нормы: «Смешны отклонения (...) от привычного языка, от логических норм, от принятых понятий, от обычаев, от правил хо-

рошего тона, смешны отступления от того, что принято считать нормой» применительно к человеческому характеру» [Дземидок 1983: 34].

В полиязычных лингвокультурных сообществах Северной и Южной Осетий территориальные речевые особенности проявляются как социальные маркеры вербальной коммуникации. Модели «своего» коммуникативного поведения служат эталонами в процессе межличностного общения с представителями разных районов проживания одной этнической группы, а «чужие» воспринимаются как отклонение от нормы и служат объектом сравнения и оценки.

В процессе общения друг с другом носителей разных диалектов, наречий или говоров осетинского языка в этническом сознании собеседников представитель «другого» лингвокультурного сообщества идентифицируются как «чужой» в соответствии со сложившимся гетеростереотипом. Становление этнических авто- и гетеростереотипов осуществляется под влиянием политической, экономической и религиозной систем общества, формирующих нормы, ценности, идеалы, императивы этнических групп [Тамерьян, Качмазова 2013а, 2013б, 2014; Тамерьян, Валиева 2011; Тамерьян 2013, Тамерьян 2014а, Тамерьян 2014б].

Между диалектами осетинского языка и говорами иронского диалекта существуют отличия, проявляющиеся на различных уровнях языковой системы. Наиболее ярко в анекдотах отражены фонетические территориальные признаки, дифференцирующие разные внутриэтнические группы носителей осетинского языка. Комический эффект создается за счет фоносемантических отличий, реализуемых носителями данных говоров в процессе коммуникации.

В приводимом ниже анекдоте персонажами являются носители ксанского и кударского говоров, локализующиеся в основном в Южной Осетии. Обыгрывается переход ксанских свистящих аффрикат [ц], [дз], [цъ] в кударском говоре в шипящие спиранты [ш], [ж], [чъ]. Приводимый ниже анекдот предназначен этнически узкой группе людей:

Осетинский язык		Перевод на русский язык
Ксанский говор	Кударский говор	
<i>Ксанец: Цымае ацы маршрутка [марцрутка] ЦУМы цурмае цаеуы?</i>	<i>Кударец: Найы, ацы [ашы] маршрутка Шты-байы цурмае [шурмае] цаеуы [шаеуы]?</i>	<i>Ксанец: Интересно, эта маршрутка едет до ЦУМа? Кударец: Нет, эта маршрутка едет на Штыба?</i>

Диалог происходит между южными осетинами — носителями разных говоров на территории Северной Осетии. Упоминаемые в анекдоте объекты расположены в городе Владикавказе на незначительном расстоянии друг от друга. Смеховая реализация ситуации порождается благодаря различным способам отражения действительности в языковом сознании носителей говоров: тот факт, что ориентиром на местности послужили разные объекты, акцентирует этническую специфику носителей говоров, подкрепленную фоно-лексическими отличиями —

чередованием фонем, характерных для данных говоров: [ц] — для ксанского и [ш] — для кударского.

Необходимо упомянуть, что для осетинских этнических анекдотов наиболее типично негативное стереотипизирование образа кударца. Поскольку анекдоты в североосетинском лингвокультурном сообществе имеют хождение большей частью на русском языке, то персонаж «**кударец**» маркируется осетинскими языковыми вкраплениями, реализуемыми на различных уровнях соответствующего говора, например:

Кударский говор	Перевод на русский язык
<i>Поймал как-то кударец змею... — Змея ему: ссссссс...</i>	
<i>Кударец: шшшшшшшш зæгъ, æмæ да ауажджынæн...</i>	<i>Кударец: скажи шшшшшшшш, и я тебя отпущу...</i>

В данном анекдоте, рассказанном от лица северного осетина, отражено подтрунивание над особенностями кударского говора: свистящий аффрикат куртатинского говора [с] в кударском переходит в шипящий спирант [ш]. На основе приема персонификации носитель куртатинского говора акцентирует стремление кударцев насаждать свой говор в североосетинской среде, что и становится объектом осмеяния у северных осетин: в данном анекдоте кударец даже змею заставляет шипеть «по-кударски».

В следующем анекдоте высмеивается незнание кударцами из некоторых районов Южной Осетии русского языка, сравните:

Кударский говор	Перевод на русский язык
<i>Кударец в армии. Заходит командир и кричит: «Рота подъем!!!»</i>	
<i>Кударец: Цы-цы — [шы-шы]?!!</i>	<i>— Что-что?!!</i>
<i>Командир второй раз повторяет: «Рота подъем!!!» Кударец говорит:</i>	
<i>Чи у чи уыцы [уышы] Рота? Сыстæт-ма, æмæ иннæты фынсæй кæнын бауадзæт [бауажæт]!</i>	<i>Кто этот Рота, кто? Пусть встанет и даст другим спокойно поспать!</i>

Кударец, плохо владеющий русским языком, воспринимает имя неаричательное **рота** как имя собственное. Смеховая реакция усиливается за счет узнавания образа кударца, характеризуемого в обыденном сознании как нарушителя порядка и установленных норм.

Носитель кударского наречия часто становится объектом не только доброго юмора, но и предметом злых шуток. Диалог происходит между носителями куртатинского (локализация преимущественно в РСО-Алания) и ксанского (Южная Осетия) говоров иронского диалекта осетинского языка. Северные осетины называют всех южных осетин *кударцами*, тогда как там проживают не только носители

названного говора, но и носители ксанского, туалъского говоров и т.д. Поэтому вопрос «*кто это такие?*» в контексте ситуации звучит естественно, например:

Осетинский язык	Русский язык
<p><i>Дзæуджыхъæуккаг æмæ чысайнаг фæмбæлдысты. Дзæуджыхъæуггаг чысайнаджы фæрсы:</i> — <i>Къуыдайраг дæ?</i> — <i>Нæ, чысайнаг.</i> — <i>Уыдон та цаваер [савæр] адæм сты [шты]?</i> — <i>Мæнæ къуыдар кæуыл фæхудыны, уыдон.</i> — <i>Ау, мæнæ диссаегтае [дишшæгтæ]! Æмæ ма къуыдар дæр искаеуыл [ишкæуыл] фæхудыны [фæхудынс]?</i></p>	<p><i>Владикавказец и ксанец встретились. Владикавказец спрашивает ксанца:</i> — <i>Ты кударец?</i> — <i>Нет, я ксанец.</i> — <i>А эти кто еще такие?</i> — <i>Это вот те, над кем смеются кударцы.</i> — <i>Да? как странно! Неужели кударцы еще сами над кем-то смеются?</i></p>

Анализ этнических анекдотов показал, что существующие смеховые тексты, отражающие расхождения между говорами на фонетическом и лексическом уровнях, служат подтверждением сложившейся стереотипной оппозиции «свои — чужие», усиливающейся по мере территориального отдаления носителей данных говоров.

Анекдоты территориально близких носителей ксанского и кударского говоров друг о друге рассказаны в более мягкой тональности, очевидно, их целью является дружеское подтрунивание; вместе с тем анекдоты носителей куртатинского и кударского говоров друг о друге отражают неприятие, негативную оценку и приобретают сатирический оттенок.

ОППОЗИЦИЯ «СВОЙ — ЧУЖОЙ» В АНЕКДОТАХ РАЗЛИЧНЫХ ОСЕТИНСКИХ ГОВОРОВ

Оппозиция «свои» — «чужие» реализуется посредством представления в виде чужака, незнакомца, носителя другой культуры, языка, а в анекдотах носителей другого говора/диалекта, например, *кударца*, *ксанца* (носителя ксанского говора иронского диалекта), *иронца* (носителя куртатинского говора, являющемся преобладающим среди северо-осетинских говоров иронского диалекта) и/или *дигорца* (носителя дигорского диалекта).

Поскольку доминирующим типом эмоционального отношения к этносу/субэтногруппе в этническом анекдоте является незлобная насмешка или пародия, представители субэтногрупп выступают как объекты безобидного подтрунивания, предметом служит гиперболизация специфики их бытия.

В тексте нижеприводимого анекдота комический эффект достигается за счет отклонения от логических норм, отражающих существующие стереотипы о поведении кударцев, их темпераменте, интеллектуальные способности и склонности к агрессивному поведению. Текст анекдота апеллирует к двум хронологически дифференцированным событиям — прецедентным ситуациям. Первая ситуация отно-

сит нас к историческому событию — нападению монголо-татар на Русь, а вторая — к миграции южных осетин в Северную Осетию после военных конфликтов в 90-х гг. XX в., в результате которой большинство торговых территорий в Северной Осетии-Алания заняли кударцы. Итак:

*Монголы завоевали Москву, Киев ... короче, все города мира, какие можно было, остался один Владикавказ... Ну, и подумал Чингисхан: «Такие города сильные захватывали, этот быстро захватим». Послал самых своих худших воинов, никто не вернулся, всех убили. Задумался Хан, видать недооценил. Послал уже нормальных. Назад вернулась только избитая лошадь. И послал тогда Чингисхан самых лучших воинов. Назад вернулись только три избитых воина. Спрашивает Хан: — «Ведь столько городов захватили, что это за город Владикавказ?» — «Да взяли мы Владик, **кудары базар не отдают...**». (Здесь Владик — краткое название столицы РСО-А).*

Комический эффект достигается приемом гиперболизации характерных для *кударцев* качеств: умения постоять за себя и за свое имущество; упорство в отстаивании своих интересов и прав. Большая часть осетин, мигрировавших из Грузии и Южной Осетии в РСО-Алания, занялись торговым бизнесом. Соответственно, по сюжету анекдота *кударцы*, защищая свое имущество, отстаивая свои права, «спасли» Владикавказ от завоевателей.

Источником стереотипов о представителях субэтнических групп являются анекдоты, построенные на шаблонном сюжете: представители разных субэтно-групп, попав в одну и ту же ситуацию, реагируют на нее по-разному, в соответствии с реальными и приписываемыми особенностями характера, например:

*Футбол! Сборная Осетии против Сборной Бразилии... В конце 1-го тайма счет 3 : 0 в пользу Осетии... Тренер ругает своих ребят: — «Как? Объясните мне, как вы можете проигрывать осетинам с таким счетом?» На что один из игроков говорит: — «А как тут не проиграть, когда у них на защите иронцы, **не пройдешь, пока взятку не дашь...** В нападении — **кударцы, прут как быки**, а на воротах — **дигорец, гол забьешь, хрен докажешь...**»*

Данный анекдот иллюстрирует закрепленные за носителями разных говоров и диалектов осетинского языка стереотипы поведения. По сюжету анекдота *иронцы* — это защитники и полузащитники. Комический эффект достигается неожиданной развязкой, а именно узнаваемостью образа *иронцев*, качественная игра которых объясняется не спортивным умением, а коррумпированностью: «*не пройдешь, пока взятку не дашь*». По сюжету анекдота «в нападении» играют *кударцы*, что соответствует стереотипным представлениям об их активности и агрессии, подчеркнутой просторечным экспрессивным глаголом «*прут*» и метафорическим сравнением «*как быки*» — символы упрямства, силы, агрессии. *Дигорец* в анекдоте позиционирован как голкипер. Характеристика стереотипного образа *дигорца* выражена синтаксической конструкцией по модели «*определяющее — определяемое*», где определяемое «*гол забьешь*» детерминировано ответом «*хрен докажешь*». Так в рамках данного сюжета имплицитно изворотливостью *дигорцев*, умение доказывать невозможное ради собственных интересов.

В целом комический эффект достигается абсурдностью сюжета, непредсказуемостью развязки и узнаваемостью образов представителей этногрупп осетинского лингвокультурного сообщества, по присущему им стереотипному поведению.

Во многих других анекдотах с участием трех представителей обозначенных этногрупп/субгрупп выделяется стереотипный образ смекалистого дигорца, сравните:

Поймал дракон иронца, дигорца и кударя. Дракон в настроении был и говорит им: — «Вон ту скаду видите, вокруг нее побегите, кто первый прибежит, того отпущу». Те побежали. Через час прибегают иронец и кударь, дигорца нету. Дракон подождал чуть-чуть и спрашивает: — «Ну, где он?» Те: — «А он домой ушел».

Данный текст построен по традиционной структуре анекдота: в начале сюжета дается детальное описание ситуации, которое заканчивается неожиданной и краткой развязкой. Комический эффект достигается простой фразой: «А он домой ушел», и это делает понятным для адресата то, что дигорец не бежал от дракона, а спокойно пошел домой, воспользовавшись неожиданной возможностью избежать неприятности. В то время как иронец и кударец оказались несообразительными, проявили наивность и недалковидность, продолжив соревноваться на условиях, предложенных драконом.

Стереотипный образ недалекого кударца развивается в следующем анекдоте, рассказанном от лица северного осетина, что подтверждается негативно маркированной номинацией **кудар** для обозначения носителя кударского говора, тогда как сами себя они называют **кударцами**.

В общем, изобрели машину, которая память читает, и решили ее испытать. Для этого позвали кударя, иронца и дигорца.

Подключили иронца к машине и говорят: Видишь эту девушку, ударь ее!

*На мониторе тут же мысли его появились: **Не буду**, я же не бью женщин.*

*Дигорцу то же самое. Мысли: **Не ударю**, я же кавказец.*

Говорят кударю: Ударь ее.

***Тот ударил** так, что она потерялась. Мысли: 0. Те думают: «Наверно, машина заморосила, что-то же он подумал!»*

*Второй раз то же самое говорят. Он — опять, и опять **мысли — 0**. В третий раз говорят, чтоб он ее ударил, и тут появились мысли: **Может, с ноги ударить?***

Употребление ненормативного выражения «с **ноги** ударить» вместо «ногой ударить» маркирует молодежное просторечье жителей Северной Осетии, для которых русский язык является основным средством общения и подвергается специфичным просторечным изменениям, тогда как жители Южной Осетии говорят на правильном. Смеховая реакция вызывается отклонением образа кударца как «чужого», если иронец и дигорец по контексту — «свои», настоящие мужчины, то кударец не вписывается в понятие истинного кавказца: он не уважает женщину, агрессивен и неумен.

КОНФЛИКТОГЕННЫЕ СЮЖЕТЫ ЭТНИЧЕСКИХ АНЕКДОТОВ

Другая группа осетинских этнических анекдотов построена на конфронтации двух действующих лиц — носителей разных говоров: дигорцев-кударцев; кударцев-иронцев; ксанцев-кударцев, иронцев-ксанцев и т.д.

Так, на примере двух персонажей — *кударца* (носитель кударского говора иронского диалекта) и *дигорца* (носитель дигорского диалекта) — демонстрирует-ся разница в ментальных и поведенческих проявлений в одинаковой ситуации:

Дигорец и кударец совершили преступление. Приговор — смертная казнь через повешение. Вешать решили на высоком мосту через реку. Ну, дигорец палача подо-звал, отсчитал ему п-ое количество купюр, чтобы тот надрезал веревку. Палач так и сделал. Вешают дигорца, веревка рвется, дигорец падает в воду и уплывает. Под-ходит очередь кударца. Он подзывает палача и говорит: «Слышь, потомуже затя-гивай, а то я плавать не умею».

Данный сюжет демонстрирует, что *дигорцы* в любой сложной ситуации на-ходят наилучший для себя выход, проявляя смекалку и изворотливость, тогда как *кударцы* в аналогичной ситуации показаны несообразительными и недалекими, глуповатыми.

В следующем анекдоте референтом осмеяния становится стереотипный об-раз кударца. Смеховая реакция достигается на основе эффекта обманутого ожида-ния, абсурдности развязки, сравните:

Едет, значит, дигорец по узкой тропинке на ишаке, а навстречу пятеро кударцев на осликах, с которыми дигорец был в натянутых отношениях. Кударцы «обрадова-лись» своему обидчику и решили оторваться на дигорце. А дигорец говорит им: «Друзья, я тут один, а вас пятеро, так будет нечестно, да и люди могут нехоро-шее про вас подумать». Кударцы отошли в сторонку, долго совещались, потом под-ходят к дигорцу и говорят, давай, мол, выбирай любых двух из нас, будем три на три драться.

Кударцы предстают как недалекие, склонные к активным агрессивным дейст-виям, но справедливые, тогда как *дигорец* показан выдержанным, смекалистым и способным сыграть с пользой для себя на принципах других. В тексте анекдота осуществляется апелляция к северо-осетинской шуточной поговорке: *Мах къуыдар стаем, мах тыхджын стаем, мах фонджаей иуы фаенаемджыстаем*, по-рус-ски это звучит так: «Мы кударцы, мы сильные, мы впятером одного побьем».

Этнический ярлык *цъиусар* ‘птичья голова’, который получили *иронцы* в лек-сиконе *дигорцев* и *кударцев*, часто обыгрывается в этнических/субэтнических анек-дотах, например:

Осетинский язык	Русский язык
<p><i>Цхинвалы фембаелдысты къуыдайраг аемае чысайнаг.</i> <i>Къуыдайраг: — Салам, дысон Ног Хаберттæм нæ кастæ? Уырысæй, дам, цыдаер [шæйдæр] птичий грип-рацыди [рашыди].</i> <i>Чысайнаг: — Э, туг куды нгууарыди, нæ цъиусæртæ мацы кæной!</i></p>	<p><i>В Цхинвале встретились кударец и ксанец.</i> <i>Кударец: Здравствуй, ты вчера вечером не смотрел Ног Хаберттæ (новости)?</i> <i>Из России, говорят, какой-то «птичий» грип распространяется.</i> <i>Ксанец: О, какое горе, как бы чего ни слу-чилось с нашими птичьими головами!</i></p>

Комический эффект текста анекдота основан на каламбуре *птичий грипп* — название болезни и *птичья голова* — субэтнический ярлык северных осетин-иронцев. Действующие лица носители юго-осетинских говоров — обсуждают новости, услышанные по местному телевидению: *Ног Хабартта* ‘Новые События’ — название передачи новостей в Южной Осетии. Эти детали фактологически дополняют анекдот, давая понять адресату, что диалог происходит в Южной Осетии. Однако притяжательное местоимение *нае* ‘наши’ перед ярлыком «**цъиусар**» служит знаком признания их — иронцев «своими», что смягчает насмешливый контекст анекдота и переводит его в добрый юмор, шутивное подтрунивание.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Этнические анекдоты с участием представителей субэтногрупп, подтверждающих наличие их стереотипных образов в осетинском многонациональном обществе. В настоящее время основой для консолидации является идея не только этнической, но и территориальной консолидации двух Осетий, соблюдение национальных и межнациональных традиций и норм осетинской культуры во всех ее проявлениях.

Анализ материала показал, что в осетинском лингвокультурном сознании сформировались стереотипные представления об особенностях поведения, чертах характера, межэтнических взаимодействиях, характеристиках представителей четырех субэтнических групп осетинского лингвокультурного сообщества — *кударцах*, *ксанцах*, *иронцах* и *дигорцах*, сложившихся в результате историко-политических событий и территориальной раздробленности осетин и их стремлению к субэтнической самоидентификации. Этнические анекдоты служат подтверждением сложившейся стереотипной оппозиции «свои» — «чужие», усиливающейся по мере территориального отдаления носителей данных говоров.

© Тамерьян Т.Ю.

Дата поступления: 18.09.2016.

Дата приема к печати: 22.10.2016.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Анекдоты про осетин. Осетинский юмор [Anecdotes about the Osetians. Osetian humour]: <http://www.polsm.spb.ru/umor/anekdoti-pro-osetin.html> (12.09.2014).
2. Дземидок Б.О. (1983). О комическом [Dzemidyuk B.O. About the comical]. Москва: Искусство.
3. Слышкин Г.Г. (1999). Лингвокультурные концепты прецедентных текстов [Slyshkin G.G. Linguocultural concepts of precedental texts]: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград.
4. Тамерьян Т.Ю., Валиева Т.С. (2011). Лингвокультурные типы «пожилой человек» и «ацæргæ адæймаг» в русском и осетинском языковых сознаниях [Tameryan T.Yu., Valiyeva T.S. Linguocultural typical characters of “aged person” and “ацæргæ адæймаг” in Russian and Osetian language mentality]: монография. Владикавказ: СОГУ.
5. Тамерьян Т.Ю. (2013а). Стереотипный компонент в структуре этнокультурного типажа (на материале осетинской лингвокультуры) [Tameryan T.Yu. Stereotypical component in the structure of ethnospecific character (exemplified through the Osetian linguoculture)] // Человек. Язык. Культура. Серия: Концептуальный и лингвальный миры. Киев: Изд-во Д. Бурого. 2013а. Вып. 2. С. 575—580.

6. Тамерьян Т.Ю., Качмазова А.У. (2013б). Стереотипы коммуникативного поведения в осетинской лингвокультуре (на материале этнических анекдотов) [*Tameryan T.Yu., Kachmazova A.U. Stereotypes of communicative behavior in Osetian linguoculture (exemplified through ethnic anecdotes)*] // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. Владикавказ, 2013б. Вып.15. С. 97—102.
7. Тамерьян Т.Ю. (2014). Концепт-стереотип «кударец» в северо-осетинской языковой картине мира [*Tameryan T.Yu. Concept-stereotype “kudarets” in North Osetian language worldview*] // Когнитивные исследования языка. Владикавказ, 2014. № 17. С. 277—281.
8. Тамерьян Т.Ю. (2014б). Разновидности концепта «пожилой человек» в русской и осетинской лингвокультурах [*Tameryan T.Yu. Variations of the concept “aged person” in Russian and Osetian linguocultures*] // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Москва: РУДН, 2014б. № 1. С. 83—89.
9. Тулина Е.В. (2006). Способы реализации универсальных и национально-культурных особенностей анекдота [*Tulina E.V. Means and ways to realize universal and ethnically specific features of anecdotes*]: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Челябинск.

УДК: 81'27:316.77

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-24-32

CROSSCULTURAL INTERACTION IN POLILINGUAL SPACE OF THE REGION

T.Yu. Tameryan

North Osetian State University n.a. K. Khetagurov
Vatutin str., 46, Vladikavkaz, RSO-Alania, Russia, 362047
tamertu@mail.ru

Abstract. Proceeding from the analysis of 236 texts of anecdotes in Russian and Osetian languages collected from different sources (Internet sites, scripts, periodicals, etc.), the article treats stereotypical features of text characters representing various subethnic groups, reveals the interethnic interaction of bearers of different dialects of the Osetian language, describes heterostereotypes, existing in the North Osetian linguoculture. The set of anecdote texts under analysis is circulating in both republics North Osetia — Alania and South Osetia., and the objects of irony and fun are bearers of dogors' and irons' dialects, and species of those dialects — kudars' and ksns' ones.

Key words: subethnos, intercultural interaction, cultural type, stereotype, anecdote, cognitive feature